

Г.Е. Марков

**ВРЕМЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ
ЭТНОЛОГИИ (1950–1960-е ГОДЫ).
НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Последствия 12-летнего господства нацизма в Германии и Австрии и второй мировой войны оказались губительными для этнологии, испытавшей тяжелейшие удары. Многие научные и учебные заведения, музеи лежали в развалинах. Часть музейных коллекций погибла или была расхищена. Многие ученые не вернулись с войны или находились в первые годы после ее завершения в плену, что привело к сокращению числа преподавателей и научных работников. В конце войны практически полностью прекратились этнологические публикации, перестали выходить журналы и отдельные работы. В ходе войны оказались прерванными связи этнологов Германии и Австрии с зарубежными исследовательскими центрами и отдельными учеными. Не хватало средств для научной работы и полевых исследований.

Однако постепенно началось медленное, сопровождавшееся многими трудностями преодоление кризиса и выход науки из застоя.

Трудно протекал этот процесс в западных зонах оккупации Германии (впоследствии ФРГ и Западный Берлин), где в ходе демократизации общественной жизни осуществлялась денацификация. В этой связи была поставлена под сомнение правомерность существования в Германии этнологии (Ethnologie, Völkerkunde). Впрочем, не столь категорически, как по отношению к немецкому народоведению (Völkskunde)¹. Ряд немецких ученых, в том числе и этнологов, обвинялся в сотрудничестве с нацистским режимом, некоторые из них лишались своих должностей или увольнялись из университетов и музеев. Начавшаяся в первый послевоенный год, но так в то время ничем и не закончившаяся дискуссия о нацизме в этнологии вела помимо всего прочего к известному обострению противоречий в научной среде.

Несколько иначе обстояло дело в восточной зоне оккупации (позднее ГДР), где денацификация широко не проводилась и практически не затронула этнологию, получившую, по примеру СССР, официальное наименование «этнография». Впрочем, музеи продолжали по традиции именоваться как Museen für Völkerkunde.

С меньшими проблемами, чем в Германии, столкнулось возрождение этнологии в Австрии, хотя и там возникали известные трудности политического и материального характера. Что касается немецкоязычной Швейцарии, где традиционно была преимущественно представлена только одна ветвь науки о народах – народоведение, то там, по понятным причинам, этнология не подвергалась преследованиям и сохранялась в прежнем виде.

По мере возрождения этнологических образовательных, научных и музейных центров в западной и восточной зонах оккупации Германии особое значение стали получать их связи с соответствующими инстанциями оккупационных держав и зарубежными исследователями². Однако вследствие этого еще более усилился исконный в немецкой науке партикуляризм, что видно на примерах тех университетов и музеев, где до конца войны продолжалась некоторая этнологическая деятельность.

В истории развития послевоенной этнологии в Западной Германии и Австрии можно выделить, хотя и весьма условно, два этапа. Первый из них приходится на время от конца 1940-х и включая 1960-е годы. Второй – от начала 1970-х годов и до настоящего времени. При этом критерии для выделения указанных этапов довольно расплывчаты и условны и основываются главным образом на интенсивности научных и полевых исследований, публикаций, характере наиболее распространенных научных направлений. В ГДР выделение каких-либо этапов развития этнологии вообще затруднительно³.

Столь же трудно выделить и классифицировать существовавшие в рассматриваемое время в этнологии научные направления. Они были очень аморфными и неопределенными. Ученики редко следовали по стопам своих учителей, и каждый исследователь шел более или менее собственным путем. Многие этнологи неоднократно меняли свои взгляды, что еще более усиливает неясность картины.

Преследуя определенные политические, до какой-то степени и благие цели, оккупационные власти и этнологические учреждения стран-победительниц стали в своих зонах влияния поддерживать науку, в том числе и этнологию. Выделялись некоторые денежные средства. Появились возможности для установления или возобновления связей с зарубежными научными и образовательными центрами. Это не могло не сказаться на направлениях исследований немецких ученых и их теоретической ориентации.

Так, в Западной Германии было заметно воздействие на этнологию англо-американской социальной и культурной антропологии, испытавших в свое время немалое влияние со стороны учений, возникших в Германии. Наряду с традиционными для немецкой этнологии теоретическими подходами постепенно все большее распространение в науке о народах стали получать социология, этносоциология, этнопсихология и другие, относительно мало распространенные в прошлом в странах немецкого языка научные направления.

Возрождение этнологии (под названием этнографии) в восточной зоне оккупации, а затем в ГДР официально происходило под лозунгами установления связей с советской этнографией и принятия марксистской теории, причем в значительно более догматической форме, чем в советской этнографии. Однако в действительности марксизм находил отражение главным образом только в трудах некоторых ученых, работавших в области первобытной истории (а также в народоведении). В прочих областях этнологии марксистская методология и фразеология не заняли сколько-нибудь существенного места. За отдельными исключениями этнографы ГДР мало касались в своих исследованиях проблем теории, и преобладали эмпирические работы.

В Австрии вновь, после возвращения из эмиграции в Швейцарию, продолжила свою деятельность культурно-историческая школа, возглавляемая В.Шмидтом и его сподвижниками.

В Швейцарии наука о народах была представлена главным образом исследованиями в области народоведения и публикациями эмпирического материала о культуре и быте населения разных швейцарских кантонов.

За два послевоенных десятилетия в немецкоязычных странах было опубликовано значительное число этнологических исследований в виде книг, статей и т.п. Большая их часть была посвящена этнографическому описанию культуры и быта разных народов мира, и только в отдельных работах рассматривались проблемы теории, которым посвящается настоящая статья. О публикациях эмпирического характера будет сказано ниже лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения региональных и тематических интересов ученых и общего направления этнологических исследований.

До начала 1950-х годов этнологические исследования в Западной Германии велись в ограниченном объеме и главным образом на основе накопленных в довоенное время этнографических данных⁴. Число публикаций в это время было сравнительно невелико.

Одновременно с некоторым оживлением этнологических исследований в начале 1950-х годов появились отдельные теоретические и историографические публикации, в которых рассматривались роль и место этнологии в системе наук, ее предмет и задачи, открывались новые перспективы этнологических исследований. Начались дискуссии, направленные на преодоление в этнологии идеологии национал-социализма. Но вскоре, в связи с общим политическим климатом в Западной Германии, они были прекращены, и критика немецкой этнологии периода нацизма возобновилась только в наши дни.

Постепенно, начиная с 1960-х годов основное внимание стало уделяться развивающимся странам. Возникает новый подход к задачам подготовки этнологов. Если в прошлом в немецкой этнологии было принято сначала овладеть общими знаниями, получать теоретическую подготовку, то начиная с рассматриваемого времени стала преобладать точка зрения о необходимости узкой специализации и о полевой работе как главном виде деятельности этнолога⁵.

Значительно стимулировало возрождение и дальнейшее расширение этнологических исследований создание в 1951 г. Немецкого исследовательского общества – Deutsche Forschungsgemeinschaft (D.F.G.). Само общество исследований не вело, но финансировало научные проекты, что создало возможности для поездок этнологов за рубеж и развертывания научно-исследовательской работы. Уже в 1950-х годах западно-германские этнологи сумели организовать экспедиции в Австралию, на острова Тихого океана, в Западную, Южную и Восточную Азию, в Африку, Центральную и Южную Америку. Позднее финансовую поддержку Общества получали и некоторые этнологи в ГДР. С середины 1950-х годов в ФРГ и Западном Берлине начинается быстрый рост этнологических публикаций. Возобновляется и оживляется деятельность этнологических журналов. Начиная с 1950 г. вновь стал выходить в свет старейший немецкий «Этнологический журнал» (Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Deutschen Gesellschaft für Völkerkunde und der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgesellschaft. Braunschweig), деятельность которого прекратилась в 1944 г. С 1952 г. Берлинский музей этнологии начал издавать журнал «Бесслер-архив» (Baessler Archiv. Beiträge zur Völkerkunde). В том же году выходит новая серия журнала музея этнологии в Кёльне «Этнологика» (Ethnologica. Neue Folge. Im Auftrag der Gesellschaft für Völkerkunde. Verein zur Förderung des Rautensrauch Joest Museums der Stadt Köln. Herausgegeben von M. Heyg- rich). Вскоре начинается издание новой серии ежегодника этнологического музея в Штутгарте «Трибус» (Tribus. Jahrbuch des Linden Museums. Neue Folge. Stuttgart. Heraus- geber J. Glück und Fr. Jäger). В 1951 г. возобновляется издание «Журнала народной пси- хологии» (Zeitschrift für Völkerpsychologie), но уже под новым названием «Социологус» (Neue Folge. Berlin.), издателем которого стал известный этнолог Рихард Турнвальд. После смерти издателя журнал выходил под редакцией его жены Хильды Турнвальд, а еще позднее – профессора Берлинского Свободного университета Вольфганга Рудоль- фа. Наряду со статьями психологического содержания в нем печатались также со- циологические, этносоциологические и этнологические работы. Начинаются издания этнологического журнала «Сообщения Гамбургского музея народоведения» (Mitteilun- gen des Hamburgischen Museum für Völkerkunde). Возобновляется издание журнала «Пайдеума» во Франкфурте на Майне, основанного Лео Фробениусом (Paideuma. Bei dem Frobenius Institut. Frankfurt a/M), и ряд других.

Продолжал выходить в свет журнал Венской культурно-исторической школы «Ант- ропос», а также этнологические журналы в Швейцарии.

Несмотря на трудности послевоенного времени, после середины 1950-х годов все больший размах приобретают полевые исследования, в которые вовлекается универ- ситетская молодежь, составившая следующее поколение ученых.

Наряду с периодическими изданиями все более увеличивалось число монографи- ческих работ по этнологии, создававшихся по большей части на основе материалов экспедиций. В 1952–1953 гг. несколькими группами этнологов была предпринята по- пытка преодолеть научную разобщенность университетов и направить исследования в одно русло. В связи с этим в Немецкое исследовательское общество была подана заявка на выполнение «Первоочередной программы» (Schwerpunktprogramm), предус- матривавшая проведение научных изысканий по двум основным темам: «Полевые исследования в связи с культурно-исторической классификацией пастушеских народов на основе их отношений с собирателями и "низшими" и "высшими" земледельческими народами» и «Изучение собирателей, относящихся к древнейшему этапу в развитии культуры». Но большого успеха эти программы не имели, так же как и выдвинутая в 1952 г. известным этнологом Г. Тримборном программа по изучению ранних форм

собственности⁶. В связи с этой программой разными авторами было опубликовано несколько исследований на основе литературных источников⁷.

Дальнейшую разработку в первые послевоенные годы получило в этнологии так называемое социологическое направление, связанное с именем известного исследователя Рихарда Турнвальда (1869–1954). Еще в начале 1930-х годов он предложил новое научное направление – *этносоциологию*, а также немецкий вариант *функционализма* и теорию *аккультурации*, что во многом положило начало «социологизации» немецкой этнологии⁸. Такого рода научная ориентация Р. Турнвальда объясняется тем, что долгие годы он провел в Америке, где читал лекции и занимался научной работой, и воспринял многие положения американской культурной антропологии, которую он, как и некоторые его ученики, усиленно пропагандировал в Германии. Однако подавляющая часть немецких ученых, во всяком случае в рассматриваемое время, отнеслась к теоретическим взглядам Р. Турнвальда без особого одобрения, если не сказать резко отрицательно, отстаивая традиционные для Германии подходы к этнологии и возражая против превращения этой науки в придаток социологии.

В 1946 г. Р. Турнвальд был приглашен в качестве ординарного профессора в Университет им. Гумбольдта, одновременно его избрали действительным членом Академии наук в Восточном Берлине. Несмотря на преклонный возраст, Р. Турнвальд приступил к организации Института социальной психологии и этнологии. У института не было собственного помещения, и Р. Турнвальд читал лекции у себя дома, предоставив студентам для пользования домашнюю библиотеку. Несмотря на огромные трудности научной, а тем более полевой работы в разрушенном городе, он вновь вернулся в 1946–1947 гг. к социологическим и этносоциологическим исследованиям и провел со своими студентами социологическое изучение проблемы приспособления жителей Берлина к послевоенным условиям, опубликовав вскоре полученные результаты⁹. В 1948 г. при поддержке Немецкого исследовательского общества были осуществлены социологические исследования берлинской молодежи, для чего были привлечены психологи. Но если деятельность Р. Турнвальда одобрялась американскими оккупационными властями, то его отношения с руководством Университета им. Гумбольдта и восточно-берлинской администрацией постепенно ухудшались. Причины конфликта лежали, по всей видимости, в политической ориентации Р. Турнвальда, противоречащей порядкам, устанавливаемым в восточной зоне оккупации. В конце концов, протестуя против слежки за студентами и их политического преследования, он перебрался из Восточного Берлина в Западный. Там его деятельность получила поддержку американских оккупационных властей и друзей из Йельского университета (США). В 1951 г. институт был включен в состав Свободного университета Западного Берлина, созданного главным образом на американские средства, и через несколько лет переименован в Институт этнологии. Р. Турнвальд получил звание ординарного профессора (т.е. «полного») и был назначен директором своего института¹⁰. В Западном Берлине Р. Турнвальд продолжал интенсивную научную деятельность и преподавание. В 1949 г. он отправился в Америку на конгресс и для чтения лекций и там отпраздновал в кругу друзей свое 80-летие. Последние полтора года своей жизни Р. Турнвальд много болел, но тем не менее по мере сил продолжал свои научные исследования почти до смерти в 1954 г.

Область научных интересов Р. Турнвальда находилась, как и в предвоенное время, в значительной мере в сфере социологии, этносоциологии, этнопсихологии, психологии аккультурации, отчасти функциональной этнологии.

Во многих работах Р. Турнвальд обращался к проблемам содержания, целей и задач науки о народах. В капитальном исследовании «Структура и содержание науки о народах» он рассматривал в свете этносоциологии задачи полевых исследований, краткую историю немецкой и англосаксонской этнологии и содержание и цели науки. Разделяя многие положения созданного не без его участия функционального учения, Р. Турнвальд высказывал вместе с тем мнение, что в истории происходит развитие культуры, в ходе которого низшие культуры превращаются в высшие. Однако не в

виде однолинейной и прямолинейной эволюции, а разными путями, которые автор иллюстрировал многочисленными примерами. Отрицая экономический детерминизм в развитии культурных явлений, Р. Турнвальд не исключал в некоторых случаях примат хозяйства. В связи с этим он предлагал выделять так называемые культурные ступени (позднее он назвал их «горизонтами»), выступая против распространенных взглядов о статичности культуры. Одновременно автор рассматривал вопрос о характере динамики развития «многообразных линий» культурных явлений, о внутренних связях между частями человеческой культуры и особенно между хозяйством и обществом. Целиком теоретическим вопросам посвящена заключительная глава рассматриваемой книги, в которой Р. Турнвальд обратился к «запутанной», по его словам, проблеме прогресса человеческой культуры. При этом высказывал мысль, что, «проявляя известную осторожность», можно выяснить прогресс цивилизаторских достижений (накопление опыта в хозяйстве и технике). Однако, как отметил далее исследователь, значительно сложнее выяснить линии развития общественных форм, семьи, и только «в известных границах» можно понять причины и ход развития духовной жизни. Говоря о методологии и методе науки о народах, Р. Турнвальд высказывал мысль, что в ней должны сочетаться исторический и функциональный методы, что дает возможность выяснить динамику человеческой культуры во всем многообразии ее проявления¹¹.

Как и в более ранних исследованиях, в своих последних работах Р. Турнвальд подходил к рассмотрению психологических, хозяйственных и социальных проблем с позиций исторической перспективы, имея целью исследование происхождения и изменения человеческой социальной организации. Ее начало он усматривал в возникновении наиболее ранней группировки людей по родственному признаку в областях с достаточным пищевым обеспечением. Далее, как он полагал, в условиях убывающего обеспечения пищей у охотников-собирателей происходило расщепление на локальные группы, причем некоторые из них начинали предъявлять повышенные претензии на пользование определенной территорией. Между локальными группами устанавливался обмен. Постепенно из родственных групп стали возникать кланы (роды). Последние вследствие совершенствования добывания пищи также начинали расщепляться. Шло отделение земледельцев от охотников-собирателей, что сопровождалось усилением конкуренции за территорию. Постепенно происходило ответвление от хозяйственно-культурного типа охоты и собирательства другого типа – пастушества. Далее, по мнению Р. Турнвальда, начиналась этническая стратификация, приводившая к возникновению «политических агрегатов»: пастухов – высшего слоя, и зависимых от них земледельцев или охотников-собирателей. Далее происходило возникновение городов и деревень-государств, начиналось социальное расслоение и складывались королевства.

Р. Турнвальд занимался также проблемами семьи и положения женщины. Как он считал, положение семьи определялось всегда мужчиной, тогда как «материнское господство» (матриархат) и подобные институты недоказуемы. При этом существовала известная самостоятельность полов, проявлявшаяся в строгом разделении труда. Р. Турнвальд следующим образом определял этапы становления государственности и возникновения права: а) самостоятельно защищающие себя группы могут быть определены как «суверенные»; б) соединение родственных групп также было «суверенным» в виде орды, клана и др.; в) понятие «государство» – нечто большее, чем такая «суверенность». Это группа организованных людей, связи между которыми лежат над родством. Там, где этот принцип полностью не соблюдался, существовали «предгосударственные» образования, в которых еще не господствовал «этнический» принцип¹².

Основное внимание Р. Турнвальда привлекали, как и в прошлые годы, теоретические проблемы человеческого сообщества – его возникновение, формы и развитие. Этим проблемам была, в частности, посвящена большая статья ученого, озаглавленная «Изменения явлений и идей общезигия». Исследователь рассматривал в ней исторические события в виде «серий» и ставил вопрос о соотношении этих серий (например, соотношение серии от Шумера до Вавилона – и серии от античности до ла-

тинских и германских культур). В качестве самой общей схемы этих серий предлагаются: 1) культуры «естественных народов», называемых также «дикими», или «примитивными»; 2) «архаические» культуры, их носителями были шумеры, мидийцы, древние египтяне и др. Для них свойственна государственная организация. К этой серии принадлежат также «классические» культуры – Греция и Рим; 3) «экзотическими» культурами автор называет Китай и Индию, а также культуры буддизма и ислама.

В той же статье Р. Турнвальд предпринимает попытку определения существа понятия «развитие». Говоря об «учении о развитии» (эволюционизме), автор отмечает, что «оно предлагало заманчивые перспективы». Но притом, что многое «развивалось», это «развитие» шло различным образом: одно «шло вперед, другое застревало, а третье шло боковым путем а также назад, или остается прежним». Первоначальными и старейшими культурами Р. Турнвальд предлагает считать те, у которых «овладение природой» находилось на более низком уровне, чем у соседей. При этом «овладение» понимается им как степень освобождения от «оков заботы о пропитании, как защита от невзгод окружающей среды», как уровень приобретения знаний. Как отмечает автор, в центре жизни стоят «техническая забота» и накопление знаний – об использовании пещер, об охотничьих навыках, а позднее – о культивации растений и доместикации животных. Накопление технических знаний и умений обозначается ученым как «цивилизация», «цивилизационное обеспечение». Однако в связи с ходом развития человеческой культуры Р. Турнвальд приходит к несколько парадоксальному, хотя, очевидно, и вполне справедливому заключению, что «это процесс без конца и если хотите, без цели»¹³. Далее автор переходит к тому, что его постоянно больше всего занимало, – к формам человеческого общежития, начиная с наиболее примитивных. Рассматриваются группировка людей по семьям, территории добычи, значение эндогамии и экзогамии, этническое расслоение, взаимодействие культур, специализация и разделение видов деятельности. Заключает статью раздел о прогрессе и его переплетении с психикой¹⁴.

Уже после кончины Р. Турнвальда его жена Хильде издала в 1957 г. сборник статей своего мужа, написанных в прошлые годы и посвященных центральной проблеме всего его научного творчества – социальным и психологическим основам человеческих ассоциаций. Сборник включает разделы «Культурный фон первобытного мышления», «Проблематика исследования человеческого сообщества», «Политические образования у естественных народов», «Социальная организация и термины родства у примитивных», «Основы примитивного права», «Взаимность в организации и функционировании человеческих ассоциаций (Gesellungen)», «Психология аккультурации» и ряд других¹⁵.

Кратко остановимся еще на одной интересной статье Р. Турнвальда «Пробуждение человеческого духа, его рост и блуждание». Основная идея работы заключается в попытке объединения истории развития человеческого мышления с хозяйственными, общественными и религиозными условиями существования. Исходя из позиций функционализма в его немецком варианте, автор высказывает мнение, что изменение одного из этих функциональных факторов влечет изменения и других. Но – что следует отметить – «изменения» рассматриваются Р. Турнвальдом как следствия *развития*. Автор выделяет «палео-психологическую» и «архаическую» фазы в естественных и сверхъестественных представлениях о событиях и силах: о рождении и росте, болезнях и смерти, душе и предках, тотемах и мана, фетишах, экстазе и шаманизме, духах, богах, культуре, церемониях и др. В свое исследование Р. Турнвальд вводит вместо термина «примитивный» новое понятие *knospenhaft*, которое можно, впрочем довольно условно, перевести как «движение к развитию» (*knospen* – распускаться, развиваться). Термин подразумевает, что накапливаются знания, умение, что идет *развитие*. Автор поясняет также, что он имеет в виду под часто используемыми им понятиями «палеопсихологическое» и «архаическое» мышление. Под первым понимается мышление, представляющее собой ряд отдельных представлений, в котором отсутствует различие между реальным и кажущимся. Второе – это когда мыслительные образы объе-

диняются посредством спекуляций. Абстрактное мышление присуще, как отмечал Р. Турнвальд, только поздним культурам¹⁶. Попутно следует заметить, что Р. Турнвальд отзывался резко отрицательно о гипотезе Леви Брюля о «первобытном пра-логическом мышлении» и полагал, что мышление у первобытных и цивилизованных народов принципиально не различается.

В самом общем виде для теоретических взглядов Р. Турнвальда было характерно соединение исторических перспектив с психологическими, хозяйственными и социальными проблемами с целью исследования происхождения и изменения форм человеческой социальной организации.

При том, что у Рихарда Турнвальда было много учеников, они не составили какой-то единой школы с общей методологией и методикой исследования. Среди его послевоенных учеников наибольшую известность приобрела Зигрид Вестфаль-Хелльбуш (1915–1984), ставшая профессором Свободного университета и возглавившая один из отделов Этнографического музея Западного Берлина (Далем). Научные интересы З. Вестфаль-Хелльбуш были весьма разнообразны: от жителей народов Океании до Африки и Западной Азии. Она неоднократно совершала экспедиционные поездки и стала автором многочисленных публикаций, посвященных эмпирическим исследованиям и теоретическим проблемам. Среди последних ее занимали проблемы аккультурации, путей развития культуры. Несколько работ исследовательницы было посвящено историографическим вопросам¹⁷. Известным ученым стал также ученик Р. Турнвальда Вольфганг Рудольф, о котором речь пойдет ниже.

В рассматриваемое время одним из весьма активных в теоретическом плане исследователей был Вильгельм Мюльман, принадлежавший к предвоенному поколению ученых (1904–1988). Едва ли его можно в прямом смысле этого слова назвать учеником Р. Турнвальда. Однако он был ему во многом в научном отношении близок и постоянно пользовался его поддержкой. По образованию В. Мюльман был биологом, что сказывалось на его научных взглядах и склонности к биологизации этнологических явлений. Как уже отмечалось ранее¹⁸, В. Мюльман был одним из немногих известных этнологов, близких к нацизму. Он был членом НСДАП, в его работах многие теоретические положения перекликались с нацистской расовой теорией.

Непосредственно перед концом войны он бежал в Висбаден, где преподавал в университете. Затем он переехал в Майнц, где начал работать во вновь основанном университете. В 1957 г. после смерти проф. А. Фридриха его избрали ординариусом и он возглавил Институт этнологии. Одновременно он возглавил секцию этносоциологии в Немецком обществе социологии, в котором собралась молодежь. Многие из членов общества, учеников и последователей В. Мюльмана стали впоследствии известными учеными: Ханс Фишер, Лоренц Г. Лёффлер, Эрнст В. Мюллер, Вольфганг Рудольф, Эрхард Шлезьер, Рюдигер Шотт, Карл А. Шмитц. Основной идеей, воодушевлявшей членов секции этносоциологии, было объединение этнологического и социологического мышления¹⁹.

В 1960 г. В. Мюльман был приглашен в Гейдельберг, где на месте упраздненного Института газетоведения был организован учебный и исследовательский Институт этнологии, который он практически создал и возглавлял вплоть до выхода на пенсию. В 1963 г. в прессе началась сильная критика деятельности В. Мюльмана в годы нацизма и высказывавшихся им расистских идей о нордической расе, интеллектуальных и душевных различиях рас. Особенно резкие обвинения выдвигались в отношении опубликованных В. Мюльманом книг «Расоведение и этнология» (1936), «Война и мир» (1940) и др.²⁰ Среди учащихся университета В. Мюльман считался реакционером, и во время студенческих волнений ему пришлось досрочно выйти на пенсию.

Послевоенное научное наследие у названного ученого весьма значительно и многообразно. Вместе с тем оно внутренне противоречиво и во многом основывается на его прежних взглядах, хотя после 1945 г. он резко изменил многие свои позиции и отказался от прямых расистских установок²¹. Как и Р. Турнвальд, он стал искать контактов с представителями американской культурной антропологии и все чаще обра-

щаться к проблемам этносоциологии и аккультурации народов развивающихся стран. Весьма интересен в смысле пропаганды американской культурной антропологии был сборник «Культурная антропология», вышедший под редакцией В. Мюльмана и Е.В. Мюллера. Характерно, что из немецких ученых в нем приняли участие лишь Р. Турнвальд и В. Мюльман, что свидетельствует о малом в это время интересе к данному научному направлению. Все прочие авторы были англоязычными, преимущественно американцами. Перу В. Мюльмана принадлежала большая статья, в которой рассматривались вопросы границ и проблем культурной антропологии, проблемы поведения человека в окружающей среде и ряд других вопросов²². Социальные и культурные процессы он рассматривал в значительной мере под социологическим и функциональным углами зрения²³. Одна из главных теоретических проблем, занимавших исследователя, – «биологическая детерминация компонентов социальной жизни» (социальная биология). Этнологию он рассматривал как «особую социологическую дисциплину», изучающую этнические группы и «их связь в пространстве и времени»²⁴. Под влиянием взглядов А. Фиркандта, Р. Турнвальда и М. Вебера В. Мюльман выступал, как он объявлял, с позиций «исторически ориентированной структурно-функциональной теории этнических систем»²⁵.

Социологию В. Мюльман рассматривал совместно с «антропо-биологией» как часть антропологии. По его определению, социология – это наука об общественной деятельности и ее результатах, с которыми связано образование групп людей и общественных институтов²⁶. Этой проблеме он посвятил капитальный труд «Человек творец», в котором рассматривал взаимоотношения индивида и общества, культуры и религии, пути возникновения народов и современного мира²⁷.

Как и Р. Турнвальд, В. Мюльман всячески пропагандировал культурную антропологию, однако несколько своеобразно, дистанцируясь от американской культурной антропологии. По его словам, это направление науки о народах – «отнюдь не результат американской мысли, импортированной к нам после второй мировой войны», и не является открытием для немецких ученых, так как «все элементы культурной антропологии можно уже найти у Эрнста Кассирера»²⁸. Рассматривая культурную антропологию, В. Мюльман писал, что она не идентична культурной морфологии, народоведению, этнологии и т.п., или сумме того, что дают гуманитарные науки. «Она сохраняет антропологический подход, не идентична этнологии, которая занимается связями между этническими общностями и их взаимным влиянием, – писал ученый. – Культурная антропология в действительности антропологическая дисциплина, имеющая целью познать человека». Отправная точка культурной антропологии – эмпирический плюрализм культур, выяснение того, как реализованы те или иные культуры²⁹.

Взгляды В. Мюльмана не имели большой популярности среди немецких этнологов, в том числе учеников Р. Турнвальда, а тем более среди «левых» этнологов младшего поколения. Это видно по многочисленным, порой весьма резким дискуссиям, получившим отражение на страницах журналов и других этнологических изданий. В качестве примера можно привести резкие возражения со стороны ученика В. Мюльмана – В. Рудольфа против концепции его учителя об этнических взаимоотношениях на примере народов Сибири. Концепция, мало вразумительно названная В. Мюльманом «*Interethnische Gefälle*», заключалась в идее иерархичности этносов в соответствии с их численностью и занимаемым ареалом, политическим и экономическим развитием. Предполагая, что этнос «высшего» порядка обязательно давит на «низший» (русские – на якутов, а якуты – на юкагиров), В. Мюльман пришел к мысли об обязательных в таких случаях процессах ассимиляции и разрушения одного этноса другим³⁰. В. Рудольф, опираясь на широкий круг работ советских авторов, показал ошибочность подхода В. Мюльмана с теоретической и практической точек зрения и высказал в связи с рассматриваемой проблемой мысль о том, что если случаи этнического «давления» одного этноса на другой имеют место, то это вызвано не какими-то имманентными законами, а конкретными политическими и экономическими причинами. Полемизируя с В. Мюльманом, В. Рудольф опроверг его утверждение об имеющей место якобы руси-

фикации малых народов Сибири³¹. Как и Р. Туривальд, В. Мюльман не создал этнологической школы, и его довольно многочисленные ученики не пошли по стопам своего учителя.

К числу сторонников «социологического» направления в немецкой этнологии и немецкого варианта *культурной антропологии* относится известный этнолог, уже упоминавшийся выше профессор Свободного университета Западного Берлина Вольфганг Рудольф. Автор многочисленных работ по теоретической и эмпирической этнологии, он во многом, хотя далеко не во всем, следовал своим учителям. Его научная и педагогическая деятельность началась вскоре после окончания войны и возвращения из армии. Однако в полной мере, как теоретик, он определился несколько позже, начиная примерно с 1970-х годов. Одна из его первых исследовательских работ – диссертация на историографическую тему о проблеме культурных ценностей в американской этнологии³². И в дальнейшем в рассматриваемое время его научные исследования находились главным образом в русле американской культурной этнологии. Об этом свидетельствуют его публикации по проблемам «аккультурации», «культурного контакта», «культурного релятивизма»³³. В. Рудольф подчеркивал, что процессы аккультурации имеют особое значение для развивающихся стран и обладают общими закономерностями, свойственными всем народам. При этом в разных условиях в зависимости от степени урбанизации, уровня школьного образования, права, расслоения общества эти процессы имеют определенные особенности.

Помимо названных крупных исследований были опубликованы отдельные работы по этносоциологии, этнопсихологии и другим направлениям науки³⁴.

В целом же число работ, связанных с проблемами культурной антропологии, было в рассматриваемое время невелико³⁵.

Значительная часть немецкоязычных ученых относили себя (или их относили) к так называемому историческому направлению. Однако никакого единообразия по методологическим и методическим установкам у сторонников этого направления не было. Каждый ученый понимал «историчность» своеобразно, нередко в диаметрально противоположном, чем его коллеги, смысле. Число ученых, которых в какой-то мере можно причислить к «историческому направлению», довольно велико, поэтому можно остановиться лишь на трудах и взглядах самых известных исследователей.

Наиболее, пожалуй, характерный представитель рассматриваемого направления – Венская культурно-историческая школа. Чтобы не повторять сказанного ранее об учении ее основателя, Вильгельма Шмидта (1868–1954)³⁶, достаточно лишь отметить, что основной целью его долгой научной жизни было стремление найти в этнографических данных подтверждение ряда библейских истин – о первичности первобытного монотеизма, моногамной семьи, частной собственности. Его идеи получили отражение в многотомном фундаментальном труде, посвященном происхождению идеи бога (*Der Ursprung der Gottesidee*. Bd. I – XII), и в других многочисленных работах. В его произведениях, написанных в страстном полемическом духе, далеко не всегда корректно использовался эмпирический материал, что, впрочем, было характерно и для некоторых других сторонников Венской школы. Другая задача, которую ставил перед собой В. Шмидт, состояла в попытке установления последовательности возникновения и функционирования культур. Им была заимствована и несколько переработана схема «культурных кругов» Ф. Гребнера. Причем, так же как и у него, критерии выделения культурных кругов были совершенно произвольными и не отвечали обязательным при создании классификации и периодизации условиям. Определение культур – как более ранних, так и хронологически следующих за ними более поздних – называлось «историческим подходом», что и нашло отражение в названии Венской школы. На деле чисто *механицистическая* структура гипотетических культурных кругов не имела ничего общего с историческим подходом и историзмом в целом. Следует отметить, что только один из ближайших сподвижников В. Шмидта, В. Копперс в какой-то мере разделял идеи своего руководителя. Прочие сторонники Венской школы, а также некоторые ученые, проявлявшие интерес к учению о культурных кругах, относились к

идеям В. Шмидта довольно настороженно, полагая, что это учение должно быть значительно усовершенствовано и соответствовать фактическим данным. После окончания войны и возвращения из эмиграции в Австрию В. Шмидт продолжил работу над своим основным трудом «Происхождение идеи бога» и издал тома XI и XII. Одновременно он продолжал разрабатывать проблемы материнского права, семейных и правовых отношений в первобытном обществе, тотемизма в Азии, Океании и Африке³⁷.

Проблемами теории «исторической этнологии» продолжали заниматься и другие ближайшие сподвижники В. Шмидта. В качестве примера исследований в этой области можно назвать некоторые труды В. Копперса (1886–1961)³⁸. Но при этом все меньшее внимание уделялось теории культурных кругов, практически прекратились поиски «первобытного прамонотеизма». Постепенно большая часть сторонников Венской школы отошла от теоретической проблематики и сосредоточилась на полевых этнографических исследованиях и публикации эмпирического материала. К примеру, можно назвать одного из наиболее известных представителей рассматриваемой школы, исследователя пигмеев Африки Мартина Гузинде (1886–1969) или преемника В. Шмидта по руководству Культурно-исторической школой Йосифа Геккеля (1907–1973), опубликовавшего ряд работ по проблемам исторической этнологии³⁹.

Вне круга Венской школы В. Шмидта в Австрии работал ряд известных немецких ученых, близких к направлению «исторической этнологии». Одним из его видных представителей, принадлежавших еще к старшему поколению, был Вальтер Хиршберг, разрабатывавший проблемы исторической этнологии и довольно резко выступавший против положений Венской культурно-исторической школы⁴⁰.

Из числа сторонников «исторического направления» в этнологии в Германии следует также назвать имя весьма известного в научных кругах африканиста и теоретика в области этнологии Германа Баумана (1902–1972)⁴¹. Столь же известным ученым был и другой сторонник исторического направления, Хельмут Петри (1907–1986)⁴². Исторической ориентации придерживалось и большинство прочих крупных немецких этнологов, как-то: Хуго Бернатциг, Кунц Диттмер, Эйке Хаберланд, Адольф Ензен, Вальтер Крикеберг, Г. Тримборн и многие другие. Однако, как уже отмечалось, эта «историческая» ориентация означала не принадлежность к какому-либо определенному этнологическому направлению, а скорее лишь следование старой немецкой традиции, состоявшей в признании в принципе фактора культурного развития (или, скорее, «культурных изменений»).

Значительное число публикаций принадлежало сотрудникам Института Фробениуса, по большей части они были посвящены изложению фактического материала, полученного во время экспедиций. Некоторое исключение составляли исследования А. Ензена, посвященные культурной морфологии⁴³.

Традиционным для немецкой этнологии было направление по изучению религиозных верований у «естественных» народов. Среди наиболее интересных по этой проблематике публикаций можно назвать работы Г. Баумана, А. Ензена, К. Еттмара, Е. Шлезиера, Х. Нахтигалья и многих других⁴⁴.

Что касается Восточной Германии (ГДР), то там начиная с 1950-х годов также начались исследования в области этнологии. В Лейпцигском и Дрезденском музеях этнологии стали регулярно публиковаться ежегодники, выходили отдельные издания научных трудов сотрудников. Однако в то время они посвящались в основном публикации музейных материалов. Единственным, пожалуй, исключением была книга В. Кёнига о туркменах-текинцах Ахала в Туркмении, в которой содержались важные выводы по ряду теоретических вопросов кочевничества, в частности о двух «агрегатных» состояниях его социальной структуры⁴⁵. Ряд теоретических исследований был предпринят историками первобытного общества, однако о них речь пойдет в другой статье.

Завершая обзор теоретических проблем, поднимавшихся в немецкоязычной этнологии в 50–60-е годы XX столетия, следует отметить, что это было время, когда наука о народах выходила из глубокого кризиса прошлой эпохи и отыскивались пути ее

дальнейшего развития. Большая часть ученых продолжала развивать идеи, высказанные еще в прошлом. Но при этом разворачивалась борьба между сторонниками традиционного «исторического» подхода, к числу которых относились наиболее известные и авторитетные ученые, и «социологическим» течением, представленным главным образом работами Р. Турнвальда и В. Мюльмана и немногих их учеников. Тем не менее анализ хода теоретических споров и обсуждений показывает, что было высказано много весьма интересных мыслей в области методологии и методики науки, заслуживающих более подробного, чем это возможно в рамках обзорной статьи, исследования. Тем более это следует сказать о работах эмпирического характера, в которых исследователь найдет богатейший уникальный фактический материал по многим народам мира, мало известный в отечественной науке.

Примечания

¹ См.: Марков Г.Е. Очерки немецкой науки о народах. Ч. 2. Немецкое народоведение. М., 1993; *его же*. От упадка к возрождению (Немецкое народоведение после второй мировой войны: проблемы теории) // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1995. № 3.

² Westphal-Hellbusch S. The present Situation of ethnological Research in Germany // Amer. Anthropologist. 1959. V. 616. № 5; Markov G. L'evolution de l'ethnologie ouest-allemande // Ethnologie occidentale: Essais critique sur l'idéologie. М., 1985.

³ Ср.: Штробах Г., Вейхольд Б., Зельнов И. Некоторые проблемы этнографической науки в Германской Демократической Республике // Этнография в странах социализма. М., 1975.

⁴ Здесь, как и ниже, используются традиционно принятые (за исключением ГДР) в странах немецкого языка понятия «этнология» и «этнография». Под этнологией имеются в виду наука о сравнительном исследовании культуры и быта народов заморских стран и разработка теоретических вопросов. Этнография рассматривается как в известной мере вспомогательное направление в этнологии, в задачи которого входят собиране и публикация эмпирического материала.

⁵ Westphal-Hellbusch S. Op. cit. V. 854.

⁶ Эта проблема была поставлена Г. Тримборном еще в 1920-х годах (Trimborn H. Die Methode der Ethnologischen Rechtsforschung // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. 1928. B. 43) и продолжена в первые послевоенные годы (Trimborn H. Zur ethnologischen Rechtsforschung // Zeitschrift für Ethnologie (далее – Z.f.E.). Jg. 76.

⁷ Koch G. Das Eigentum auf Neukaledonien // Baessler Archiv. N.F. 1957. № 5; Nippold W. Die Anfänge des Eigentums bei den Naturvölkern und Entstehung des Privatigentums. S. Gravenhagen, 1956; Schott R. Anfänge der Privat- und Planwirtschaft. Braunschweig, 1956.

⁸ См. Марков Г.Е. Коричневая тень над немецкой этнологией // ЭО. 1999. № 4. С. 125.

⁹ Thurnwald R. Gegenwartsprobleme Berliner Familien. В., 1948.

¹⁰ Thurnwald Hilde. Richard Thurnwald – Lebensweg und Werk // Beiträge zur Gesellungs- und Völkerwissenschaft. Dr. Richard Thurnwald zu seinem achtzigsten Geburtstag gewidmet. В., 1950; Trimborn H. Richard Thurnwald // Z.f.E. 1954. Bd. 79.

¹¹ Thurnwald R. Aufbau und Sinn der Völkerwissenschaft // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Jg. 1947. Phil.-Hist. Klasse. № 3. В., 1948. S. 115-116.

¹² Thurnwald Hilde. Op. cit. S. 14-17.

¹³ Thurnwald R. Der Wandel der Erscheinungen und Gedanken des Zusammenlebens // Sociologus. Zeitschrift für empirische Soziologie, Sozialpsychologie und ethnologische Forschungen. N.F., 1951. Jg. 1. Heft 1. S. 8-10.

¹⁴ Ibid. S. 11, passim.

¹⁵ Thurnwald R. Grundfragen menschlicher Gesellung. Ausgewählte Schriften. Forschungen zur Ethnologie und Sozialpsychologie. В., 1957.

¹⁶ Thurnwald R. Des Menschengestes Erwachen, Wachsen und Irren. Versuch einer Paleopsychologie von Naturvölkern mit Einschluß der archaischen Stufe und der allgemein menschlichen Züge. Berlin; München, 1951.

¹⁷ См. напр.: Westphal-Hellbusch S. Akkulturationsvorgänge als Gegenstand ethnologischer Forschung. Sociologus. N.F. Jg. 8, Heft 2. В., 1958; *eadem*. Umwelt und historischer Zufall als Faktoren des Kulturwandels im Süd Iraq. Sociologus. N.F. Jg. 10, Heft 2. В., 1960.; *eadem*. Zur Geschichte des Museums // Hundert Jahre Museum für Völkerkunde Berlin. Baessler Archiv. Beiträge zur Völkerkunde. N.F. B. 21. В., 1973.

¹⁸ См.: Марков Г.Е. Коричневая тень над немецкой этнологией. С. 126 и след.

¹⁹ Müller E.W. Wilhelm Emil Mühlmann // Z.f.E. 1989. Bd. 114. S. 2,3.

²⁰ Ibid. S. 8, 9.

- ²¹ Mühlmann W. Ethnische Aufsteigassimilation und Rassenwandel // Homo. 1949. Bd.1.
- ²² Mühlmann W. Umriss und Probleme einer Kulturanthropologie // Mühlmann W., Müller E. Kulturanthropologie. Köln; Berlin, 1956.
- ²³ Mühlmann W. Ethnologie als soziologische Theorie der interethnische Systeme // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1956. Bd. 8; *idem.* Hiliasmus und Nativismus // Studien zur Psychologie, Soziologie und historischen Kausistik der Umsturbewegungen. B., 1961.
- ²⁴ Mühlmann W. Ethnologie und Geschichte // Studium Generale. 1954. Bd. 3.
- ²⁵ Brockhaus Enzyklopedie in 20 Bänden. 1966. Bd.13. S. 34.
- ²⁶ Mühlmann W. Geschichte der Anthropologie. Frankfurt; Bonn, 1968.
- ²⁷ *Idem.* Homo Kreator // Abhandlungen zur Soziologie, Anthropologie und Ethnologie. Wiesbaden, 1962.
- ²⁸ *Idem.* Die Grenzen und Probleme der Kulturanthropologie // Kulturanthropologie. Köln; Berlin, 1966. S. 15, 16.
- ²⁹ *Ibid.* S. 16, 17.
- ³⁰ *Idem.* Vorkapitalistische Klassengesellschaften. Köln, 1956.
- ³¹ Rudolph W. Der Untergang der Jukagiren. Eine Fallstudie zur Hypothese des «interethnischen Gefälles» // Sociologus. N.F. 1972. Bd. 22, Heft 1/2.
- ³² *Idem.* Das Problem der kulturellen Werte in Arbeiten der neueren amerikanischen Ethnologie. B. 1958.
- ³³ *Idem.* «Akkulturation» und Akkulturationsforschung // Sociologus. 1964. Bd. 14. Heft 2; *idem.* Kulturkontakt und Akkulturation // Entwicklungspolitik. Handbuch und Lexikon. Mainz, 1966; *idem.* Der kulturelle Relativismus. Kritische Analyse einer Grundsatzfrangendiskussion in der amerikanischen Ethnologie // Forschungen zur Ethnologie und Sozialpsychologie. Bd. 6. B., 1969.
- ³⁴ См. напр.: Strecker I. Methodische Probleme der ethno-soziologischen Beobachtung und Beschreibung. Versuch einer Vorbereitung zur Feldforschung. Göttingen, 1969; König R. Beobachtung und Experiment in der Sozialforschung. Köln, 1956; Sodhi S., Rudolf B. Nationale Vorurteile. Eine sozialpsychologische Untersuchung // Forschungen zur Ethnologie und Sozialpsychologie. Bd.1. Berlin; München, 1953; Beuchelt E. Traditionelle und moderne Jugend-erziehung im West-Sudan // Sociologus. N.F. 1961. Jg.11. Heft 2.
- ³⁵ См.: Cassierer E. Philosophie der symbolischen Formen. In 3 Bänden. Darmstadt, 1953–54; Gebler J. Ursprung und Gegenwart. Die Manifestation der aperspektivischen Welt. Versuch einer Konkretion des geistigen. Stuttgart, 1953; Rudolph W. Die amerikanische «Cultural Anthropologie» und das Wertproblem // Forschungen zur Ethnologie und Sozialanthropologie. Bd.3. B., 1959; Friedrich A. Das Bewußtsein eines Naturvolkes // Kulturanthropologie. Köln; Berlin, 1966.
- ³⁶ См.: Марков Г.Е. Взлет и крушение теории – немецкая этнология на рубеже веков. Культурные круги. Культурно-историческая школа. Ф. Гребнер, В. Шмидт // ЭО. 1999. № 3.
- ³⁷ См. напр.: Schmidt W. Die Entfaltung der Gottesidee in der Geschichte der Menschheit // Christus und die Religionen der Erde. Handbuch der Religionsgeschichte. Bd. I. Wien, 1951; *idem.* Das Mutterrecht. Studia Instituti Anthropos. V. 10. Freiburg, 1955 и др.
- ³⁸ Koppers W. Der Urmensch und sein Weltbild. Wien, 1949; *idem.* Zusammenarbeit von Ethnologie und Prähistorie. Ein Beitrag zur Methode beider Wissenschaften // Z.f.E. 1953. Bd.78; Der historische Grundcharakter der Völkerkunde // Studium Generale. 1954. Jg. 7. Heft 3.
- ³⁹ Haeckel J. Zum heutigen Forschungsstand der historischen Ethnologie // Die Wiener Schule der Völkerkunde. Wien, 1956; *idem.* Zur gegenwertigen Forschungssituation der Wiener Schule der Ethnologie // Beiträge Österreichs zur Erforschung der Vergangenheit und Kulturgeschichte der Menschheit. Horn, 1959.
- ⁴⁰ Hirschberg W. Zur Frage der so genannten Primitivität der afrikanischen Wildbeutekulturen // Berichte über die 6 Tagung der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie. Göttingen, 1959; *idem.* Kulturhistorie und Ethnohistorie. Eine Gegenüberstellung // Paideuma. Mitteilungen zur Kulturkunde. Bd.1. Frankfurt; Wiesbaden, 1966 и многие другие.
- ⁴¹ Baumann H. Ethnologische Feldforschung und Kulturhistorische Ethnologie // Studium Generale. 1954. Jg.7. Heft 3.
- ⁴² Petri H. Gibt es eine «Historische Ethnologie»? // Kölner Ethnographische Mitteilungen. 1965. № 4.
- ⁴³ Jensen A. Bemerkungen zur Kulturmorphologischen Betrachtungsweise // Studium Generale. 1954. Bd. 7. Heft 3.
- ⁴⁴ По проблемам религии в 1950–1960-е годы опубликовано очень значительное число работ, описывающих те или иные конкретные религии. Поэтому здесь приводятся только некоторые работы наиболее известных исследователей, в которых затрагивались теоретические проблемы: Baumann H. Mythos in ethnologischer Sicht. Die Funktion des Mythos // Studies Generale. 1959. Bd. 12; Jensen A.E. Mythos und Kult bei Naturvölkern. Religionswissenschaftliche Betrachtung. Studien zur Kulturkunde. Wiesbaden, 1951; *idem.* Mythos und Erkenntnis. Eine Entgegnung auf W.E.Mühlmann // Paideuma. Bd. IX. Heft 1. Wiesbaden, 1963; Jettmar K. Altentötung in Dardistan // Paideuma. Bd. XV. 1969; Schlesier E. Die melanesische Geheimkulte. Göttingen, 1958. Nachtigall H. Schamanismus bei den Paez-Indianern // Z.f.E. Jg. 1953. Heft 2.
- ⁴⁵ König W. Die Achal-Theke. B., 1961.

G.E. Markov. The time of revival of German ethnology (1950s–1960s). Practical research trends and theory

In the years of the Nazi regime in Germany and Austria the science on peoples – ethnology and Volkskunde found itself in the state of profound stagnation. It was only from the early 1950s that a slow and hard revival process of ethnology began: ethnological journals began to be published and some museums started their work. In the western zones of occupation contacts were established with Anglo-American social and cultural ethnology; the scholars were mostly followers of the so-called «historical» trend with its rather indefinite scholarly aims and attitudes. Their smaller part headed by Richard Thurnwald continued studies in the field of cultural anthropology, functional theory and the like that had started in the pre-war times. In the eastern zone of occupation (later the G.D.R.), where contacts with Soviet ethnography were established, Marxism was proclaimed as the official methodology. However, it found no much reflection in concrete studies. In Austria the Vienna Catholic-historical school continued to be the most popular theoretical trend. In Switzerland the main direction of works was not in the field of ethnology but in that of Volkskunde.

© 2000 г., ЭО, № 6

А.М. Решетов

К 100-ЛЕТИЮ Н.И. ГАГЕН-ТОРН

15 декабря 2000 г. исполняется 100 лет со дня рождения Нины Ивановны Гаген-Торн. Это была выдающаяся личность, деятельность и интересы которой не ограничивались не только одной проблемой, но даже одной наукой. В сферу ее занятий входили этнография, фольклористика, литературоведение, языкознание, философия, история науки и многое другое; она писала прозу и оставила нам прекрасные стихи. И повсюду ей было тесно. К любой проблеме она вдохновенно подходила с позиций разных наук, рассматривала ее увлеченно и творчески. Этот подход легко просматривался в каждой работе исследовательницы.

Не исключение и ее статья «Обрядовые полотенца у народностей Поволжья», с которой я познакомился в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН¹. Она меня увлекла своей неординарностью, комплексностью видения проблемы, широким привлечением этнографического, фольклорного, лингвистического, исторического, религиоведческого материала...

Меня заинтересовало, когда Н.И. Гаген-Торн написала эту интересную статью и почему она не была опубликована. На архивной справке помечено: 1941 г., но эта дата определенно неверна – достаточно вспомнить события жизни Н.И. Гаген-Торн². 17 октября 1936 г. она была арестована по обвинению в ведении антисоветской пропаганды. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 25 мая 1937 г. она была осуждена на пять лет исправительно-трудовых лагерей, срок отбывала на Колыме, освободилась только в 1942 г. С трудом ей в конце концов удалось вернуться к научной работе и даже 3 января 1946 г. защитить в Москве, в Институте этнографии АН СССР диссертацию на тему «Элементы одежды народностей Поволжья как материал для этногенеза» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Она возвратилась в Ленинград, занялась научным описанием болгарской коллекции, у нее были большие жизненные и научные планы.

Однако 30 декабря 1947 г. Н.И. Гаген-Торн была повторно арестована по тем же мотивам. Первые годы после приговора (а он гласил: 5 лет исправительно-трудовых лагерей) она провела в печально знаменитых Темниковских лагерях в Мордовии, а в январе 1953 г. была отправлена на вечное поселение на Енисей. 16 апреля 1954 г. судимость с нее была снята. С 15 апреля 1955 г. она – научный сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР, в котором проработала до ухода на пенсию 26 марта 1960 г., но творчески трудиться продолжала вплоть до смерти 4 июня 1986 г.

Так когда же была написана статья «Обрядовые полотенца у народностей Поволжья»? Как представляется, мысль о написании статьи зародилась в первой половине 1930-х годов. Импульсом для начала работы могло послужить знакомство с блестящей монографией казанского этнографа Н.И. Воробьева «Материальная культура казанских татар»³, широко использованной в статье. Не исключено,